

Цюй Сян, известная своей красноречивостью и любовью к сватовству, пользовалась уважением в деревне. Каждый, кто встречал её, старался улыбнуться, надеясь в будущем устроить хорошую свадьбу для своих детей или для себя.

Сегодня же Цюй Сян впервые столкнулась с тем, что её отшили в нескольких словах, и это вызвало у неё недовольство по отношению к Линь Фаню. Уходя, она была явно не в духе, лицо её было мрачным.

Жители деревни, видевшие, как Цюй Сян ушла, были удивлены, когда она вернулась меньше чем через полчаса, да ещё и с таким недовольным выражением лица. Все сразу же спросили, что случилось.

— Они разбогатели, теперь нам до них не дотянуться, — с досадой произнесла Цюй Сян, её слова были полны язвительности, и тон её был далёк от дружелюбного.

Все знали характер Цюй Сян, поэтому поняли, что дело не удалось, и она просто злится. Никто не стал придавать этому значения, зато начали обсуждать Сун Минфэя и Линь Фаня.

Сейчас один из них отправился сдавать экзамены на учёную степень, а другой открыл магазин в городе, и они уже совсем не походили на тех, кто впервые появился в деревне Шитоу.

— Человека не разглядишь, — сказал кто-то. — Раньше думали, что Линь Чунь вернулся, потому что не смог устроиться в городе, а теперь видно, что он научился чему-то и вернулся, чтобы разбогатеть.

— Точно, — подхватил другой. — Я слышал от Ганцзы, что в день открытия их магазина они заработали больше десятка лянов серебра всего за один полдень.

— Сколько? Десяток лянов за полдня? — Все были поражены.

Разговаривая, они не стеснялись присутствия второй ветви семьи Линь, и те, кто не ладил с ними, специально подходили, чтобы похвалить Линь Фаня за его успехи.

Ли Фэн ждала Цюй Сян, надеясь, что та поможет найти подходящую пару для её сына Линь Дуна. Поэтому, услышав эти разговоры, она не ушла, а только после ухода Цюй Сян последовала за ней.

Однако Цюй Сян не проявила к ней того же энтузиазма, что к Линь Фаню, а наоборот, была холодна и равнодушна. Она жаловалась на то, что её сын не хочет трудиться, и что он пьёт, и никак не соглашалась помочь Ли Фэн.

Но Ли Фэн не сдавалась, уговаривая Цюй Сян снова и снова, пока та наконец не сдалась.

К сожалению, Линь Дун не оправдал ожиданий матери. Когда они разговаривали, он появился, шатаясь от выпитого, с тыквой для вина в руке.

Молодой парень, который должен был трудиться, чтобы найти себе жену, вёл себя совершенно непристойно.

Увидев это, Цюй Сян прикрыла нос платком и ушла.

Вернувшись домой, Ли Фэн не смогла сдержать свою обиду. Она начала ругать старшее поколение семьи Линь, а затем и второго сына, обвиняя их в том, что они обманули её, когда

она выходила замуж.

Когда Линь Дун вернулся после прогулки по деревне, дома уже началась драка. Горшки и миски были разбиты, а волосы Ли Фэн растрёпаны.

Хотя Линь Дун был пьян, он понимал, что вмешиваться не стоит, и хотел уйти, но Ли Фэн схватила его за воротник и потащила обратно.

— Так жить нельзя... — Ли Фэн плакала, рассказывая о своих обидах, и, упомянув, как другие хвалили Линь Чуня за его успехи, зарыдала ещё громче.

Линь Дун обычно вёл себя безответственно, но он любил свою мать. Увидев, как она страдает, он не смог сдержать гнев, швырнул тыкву с вином и закричал:

— Чёрт возьми, эти два уродца, что в них хорошего?

Услышав это, Ли Фэн сразу перестала плакать, а второй сын семьи Линь, до этого молчавший, повернулся к Линь Дуну.

— Какие уродцы? Линь Чунь и этот Сун? — Ли Фэн вытерла слёзы, но её голос всё ещё дрожал, хотя в глазах уже не было ни капли печали.

— Да, они, эти негодяи, — Линь Дун отвернулся с отвращением, явно не желая продолжать.

— А что с ними? Ты видел? — Ли Фэн заинтересовалась.

— Да, на ярмарке фонарей в Праздник фонарей я видел, как эти собаки... — Линь Дун запнулся, не зная, как описать, а затем просто добавил:

— На глазах у всех обнимались и лапали друг друга, это было отвратительно.

Увидев, что Ли Фэн начала спрашивать об этом и перестала плакать, Линь Дун подробно рассказал обо всём.

Выслушав его, Ли Фэн вытерла слёзы и вышла из дома. Через пару дней слухи распространились по всей деревне.

Люди любят приукрашивать, особенно когда речь идёт о таких вещах, и, учитывая, что это исходило от Ли Фэн, слухи стали ещё грязнее. Кто-то утверждал, что видел, как они целовались в стог сена, а кто-то говорил, что они занимались этим в реке.

Сначала жители деревни не поверили, считая, что Ли Фэн и Линь Чунь давно враждуют, и её словам нельзя доверять.

Но Цюй Сян, всё ещё злясь из-за неудачи с сватовством, тоже подключилась к обсуждению, рассказав, как видела, что они спят в одной комнате.

Она не утверждала, что между ними что-то было, но намекала на это, упомянув, что они спали под одним одеялом.

Два взрослых мужчины, которые не женятся и спят под одним одеялом, — это уже слишком, и слухи начали распространяться.

Люди, обсуждая это, вспомнили, как они только появились в деревне.

Тогда они не понимали, почему Сун Минфэй, образованный человек, согласился вернуться с Линь Чунем в такую глушь и терпеть лишения.

Теперь, подумав, что между ними были такие отношения, всё встало на свои места.

Слухи тихо распространялись, и хотя жители деревни не говорили об этом открыто, их взгляды на двоих изменились.

Особенно это касалось Сун Минфэя. Мужчины и женщины смотрели на него с явным любопытством, что вызывало у него сильный дискомфорт.

— Ты не замечал, что в последнее время взгляды жителей деревни стали странными? — Сун Минфэй, вернувшись домой, спросил с нахмуренным лбом.

— Вроде бы, — Линь Фань снял верхнюю одежду и задумался. — Что-то случилось?

— Возможно, они завидуют нашим успехам, — Линь Фань не придавал этому значения, хотя Цзиньбао упоминал об этом накануне.

— Возможно, — однако Сун Минфэй чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, что именно.

Нет ничего, что можно скрывать вечно. То, что люди стараются избегать, иногда становится известно из самых неожиданных источников.

— Уродцы, бесстыдники, бесплодные... — грязные слова слышались из уст детей, которые смеялись и кричали.

Хотя мать одного из детей поспешила закрыть рот ребёнку, атмосфера злобы и осуждения вокруг была настолько сильной, что Сун Минфэй почувствовал себя в ловушке.

Невинные улыбки и шёпот за спиной ранили больше, чем брошенные камни.

Сун Минфэй уже страдал от сплетен в прошлом, и теперь, столкнувшись с этим снова, Линь Фань сразу встал на защиту.

Но бледное лицо Сун Минфэя вызвало у Линь Фаня приступ гнева.

— Кто научил их этому? — Линь Фань, никогда не отличавшийся мягкостью, сразу понял, что дети не могли сами придумать такие слова. Они явно слышали их от взрослых.

Его голос был полон гнева, и дети, только что смеявшиеся, сразу разбежались. Женщина, к которой он обратился, молчала, держа ребёнка, и её взгляд был полон отвращения, словно она готова была плюнуть в Линь Фаня.

Окружающие, увидев это, поспешили окружить их, опасаясь, что Линь Фань может сделать что-то с женщиной и ребёнком. В толкотне отец ребёнка даже попытался ударить Линь Фаня.

— Я спрашиваю, кто это сказал? — Линь Фань, больше не скрывая гнева, схватил мужчину за воротник и произнёс каждое слово с усилием.

Линь Фань, почти двухметрового роста, с лёгкостью поднял мужчину, и окружающие не осмелились подойти ближе. Женщина, увидев это, зарыдала и всё рассказала.

— Линь Дун, значит, — прошептал Линь Фань, а затем обернулся:

— Минфэй, ты пойдёшь домой или пойдёшь со мной разбираться?

Когда люди, услышав новости, прибежали к старому дому второй ветви семьи Линь, Линь Дун уже был вытаскен Линь Фанем за ворота. Как только Линь Дун попытался вырваться, Линь Фань нанёс ему удар в лицо.

Линь Дун, ещё не успев опомниться, получил ещё один удар, и Линь Фань, не давая ему шанса, продолжал бить, пока тот не упал на землю.

Несмотря на то что Линь Дун был уже в плачевном состоянии, Линь Фань не остановился, схватил его за руку и подтащил к ногам Сун Минфэя.

— Извинись, — потребовал Линь Фань.

Но даже в таком состоянии Линь Дун отказался говорить, а вместо этого плюнул кровью в Сун Минфэя.

Линь Фань, разъярённый, прижал его к дереву:

— Не хочешь говорить? Тогда больше не говори.

С этими словами он вывихнул Линь Дуну челюсть.

После крика боли Линь Фань бросил Линь Дуна на землю.

Люди, дрожа, смотрели на Линь Дуна, который катался по земле, слёзы и кровь смешивались со слюной, и он уже не мог закрыть рот.

<http://bllate.org/book/16922/1558314>